

S T U D I A P H I L O L O G I C A

АКТУАЛЬНЫЕ
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

Книга II

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2015

УДК 39
ББК 63.5
А 43

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Ответственный редактор:
д. филол. н. Г. П. Нецименко

Редколлегия:
Г. П. Нецименко, Св. Чмейркова, А. Ф. Журавлев,
М. Н. Кузьмин, Г. П. Пилипенко, Е. Ф. Тарасов, В. А. Дыбо,
М. М. Алексеева, Д. Ю. Анисимова

А 43 Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга II. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. — 376 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9905759-8-1

Аннотируемая книга сохраняет полную тематическую и теоретико-методологическую преемственность по отношению к недавно опубликованной первой книге, вышедшей в издательстве «Языки славянских культур».

Обе книги являются составной частью единого проекта «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности», являющегося пятой публикацией международного авторского коллектива, разрабатывающего остро актуальные проблемы современного многополярного мира. В отличие от первой книги, здесь ставится акцент на вопросах межэтнических, межкультурных и межъязыковых взаимоотношений, этнокультурной и этноязыковой ситуации, этнической самоидентификации, интерференции и билингвизма.

В преемственности с предыдущими интердисциплинарными, комплексными исследованиями авторы монографии уделяют внимание и изучению роли новых информационных технологий во внутриэтнической и межэтнической коммуникации.

Впервые в исследовательское поле вводится анализ опыта создания общеславянского литературного (культурного) языка, а также региональных культурных языков межэтнического общения.

Книга знакомит читателя с новой трактовкой фундаментальных теоретико-методологических вопросов, а также возможными путями их решения.

Исследование предназначается для филологов, культурологов, историков, этнологов, политологов, дипломатов.

ISBN 978-5-9905759-8-1

9 785990 575981 >

УДК 39
ББК 63.5

© Издательство «Рукописные памятники Древней Руси», 2015
© Авторы, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

III. Внутриэтническая языковая ситуация. Диалекты, проблема их этноязыковой и этнокультурной сохранности

- Ананьева Н. Е.*
Островной польский диалект. 9
- Серочук Е.*
Языковая ситуация польской деревни начала XXI века 19
- Чижмарова Л.*
Диалекты юго-западной Моравии —
их развитие во второй половине XX века. 37
- Алексеева М. М.*
Лемки-переселенцы в Польше: этническое
самосознание и языковая ориентация. 59

IV. Специфика языковой ситуации в полиэтничном социуме. Проблема многоязыкового и межкультурного взаимодействия этносов

- Плотникова А. А.*
Градищанские хорваты: этнокультурная
традиция в прошлом и настоящем 74
- Узенёва Е. С.*
Язык и культура старообрядцев Болгарии
в эпоху глобализации 90
- Патраш В.*
О языковой ситуации в словацких еврорегионах 99
- Грень З.*
Этнолингвистические процессы
на чешско-польском языковом пограничье 113
- Дубичинский В. В.*
Двуязычие versus одноязычие в многоязычной Украине:
региональный подход 128
- Дыбо В. А.*
Язык — этнос — археологическая культура
(северо-западная группа индоевропейских языков
с точки зрения акцентологии) 138
- Ващенко Д. Ю.*
Некоторые аспекты языковой ситуации
на словацко-венгерском пограничье 194

<i>Багдасаров А. Р.</i>	
Социолингвистический аспект функционирования синонимов «свой/чужой» в хорватской прессе	212
<i>Балек А.</i>	
Каким нам видится будущее Европы в рамках процесса реструктуризации мира	220
<i>Пилипенко Г. П.</i>	
Некоторые особенности билингвальных языковых ситуаций (на примере языковой ситуации воеводинских и прекмурских венгров).	236
V. Новые информационные технологии и их роль во внутриэтнической и межэтнической коммуникации	
<i>Гоффманнова Я.</i>	
Устный чешский язык в зеркале «письменного общения» в чате	259
<i>Йилкова Л.</i>	
Цыганский лагерь в Летах в исторических текстах и текстах сети Интернет	278
<i>Бергер Т.</i>	
Искусственные славянские языки в интернете	296
VI. Опыт создания общеславянского литературного (культурного) языка, а также региональных культурных языков межэтнического общения	
<i>Верещагин Е. М.</i>	
Конфессионально-православная составляющая современного русского литературного языка: краткий общепилологический очерк	311
<i>Лифанов К. В.</i>	
Кодификация С. Цамбела как рубеж в развитии словацкого литературного языка	338
<i>Запольская Н. Н.</i>	
Slavia slavonica в пространстве и времени культуры	354
<i>Людоговский Ф. Б.</i>	
Церковнославянский язык в России, Украине и Белоруссии: конвергентные и дивергентные процессы в эпоху цифровых технологий.	364

III

ВНУТРИЭТНИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ. ДИАЛЕКТЫ, ПРОБЛЕМА ИХ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СОХРАННОСТИ

Ананьева Н. Е.
(Россия, Москва)

ОСТРОВНОЙ ПОЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ

Островной польский диалект дер. Вершина Боханского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области представляет собой континуацию материнского диалектного идиома, функционирующего в малопольском и силезском регионах. В рамках столыпинской реформы весной 1910 г., в основном из шахтерских районов Силезии (Домбровского бассейна) и граничащей с ней Малой Польши, в Сибирь отправились первые польские переселенцы. Причиной переселения поляков явился экономический кризис, охвативший Домбровский бассейн в 1905—1907 гг. Предварительно на разведку, для подыскания подходящих мест для проживания, в Сибирь отправлялись так называемые ходоки. Вершининский летописец Валентин Петшик, автор книги «Маленькая Польша в таежной Сибири», называет имена этих первопроходцев: Томаш Лабуда, Антон Петшик и Михал Фасинский. Выехавшие из Домбровского бассейна в Иркутск 56 делегатов, включая трех ходоков, выбрали для проживания 450 семей «Трубачевский участок Осинской, позднее Тихоновской, волости Балаганского уезда Иркутской области», позднее переименованный в Вершинино, а с 20-х годов — в Вершину [Петшик 2008: 8]. В мае 1910 г. в Сибирь отправились первые 59 польских семей, с которых началась история современного села. Каждой семье выделялось 15 десятин земли, что было целым богатством для переселенцев, не имевших таких обширных земельных наделов в Польше. В 1911 г. здесь появляется польская школа, просуществовавшая до 1937 г., а в 1912 г. открывается костел (был закрыт с 1933 г. по 1992 г.). Новые польские семьи приезжают в Вершинино в 1918 г. До Второй мировой войны население имело этнически однородный характер. После 1945 г. национальный состав жителей села приобретает смешанный характер, начинают заключаться смешанные, как правило, межславянские браки (русско-польские, польско-украинские). Тем не менее преобладающим остается польское население, которое в повседневной жизни общается между собой на местном польском диалекте. В настоящее время полноязычное население насчитывает приблизительно 250 чел.

Если межславянские браки в последнее время заключаются все чаще, причем в смешанных польско-русских семьях часто переходят

на русский язык, то буряты воспринимаются поляками как носители далекой и чуждой им культуры, что отражено в высказываниях типа *Burat a v'il'k to samo, surove m'iso ji co v'il'k, v m'exax Хозит, a pšoz'ijf škurax, Burat rob'ić* (=работать) *he l'ub'i*. В Вершине в настоящее время проживает только одна бурятская семья.

В 90-е гг. XX в., в новых социально-исторических условиях, в Вершине наступило определенное возрождение интереса жителей села к своему прошлому, оживление связей с метрополией. Ярким проявлением такого интереса к истории родного села и судьбам его жителей является уже упомянутая выше книга Я. Петшика, агронома по профессии, историка-краеведа и коллекционера по призванию [Петшик 2008].

Укрепление культурных отношений с исторической родиной проявляется, в частности, в направлении на учебу в Польшу молодых вершинян. Спектр профессий, приобретаемых в польских учебных заведениях, весьма широк: от парикмахера (например, в семье Даниленко) до преподавателя (учитель польского языка Людмила Вежинтас). Вообще Людмила Фигура (в замужестве Вежинтас) была первым жителем Вершины, получившим образование в Польше. Окончив в 1995 г. польское отделение филологического факультета Гданьского университета и защитив дипломную работу под названием «Деревня Вершина. Из культурологической проблематики польских жителей Сибири» [Figura 2003], она не осталась в Польше, а вернулась в родное село, где не только преподает польский язык, но и занимается активной культурно-просветительской деятельностью в созданном при ее участии Польском доме, способствует установлению тесных связей между Вершиной и Гданьским университетом. Сохранению и усилению национального самосознания способствует и действующий в селе хоровой ансамбль, исполняющий польские песни, и мероприятия, проводимые Польским домом. 10 июля 2010 г. село торжественно отметило свое столетие. На празднике, посвященном столь знаменательной дате, присутствовали многочисленные гости и официальные лица из Польши, Москвы, Улан-Удэ.

Для путешествующих по Сибири поляков дер. Вершина превратилась в своего рода туристический объект, своеобразный скансен, который обязательно следует посетить. Впечатлениям от поездки в Вершину посвящено немало польских публикаций, например [Nowicka 2000; Łabieniec 2003].

Поскольку современное взрослое польское население не ходило в польскую школу, оно не владеет письменным вариантом польского языка, т. е. не только не умеет писать по-польски, но и в боль-

шинстве случаев и читать в латинской графике. Поэтому польские тексты, бытующие среди вершинян (польские песни в песенниках, записываемые участницами польского ансамбля, молитвы), написаны на кириллице. Так, в раздаваемом прихожанам во время литургии в местном костеле сборнике молитв большая часть напечатана на кириллице и лишь незначительная — на латинице. При этом отдельным польским знакам (звукам) могут соответствовать в кириллической записи разные знаки. Так, польск. *sz* может передаваться как *тиш* и как *ч* (*Як была на потишонтку; Ойтише хвала Тобе; Боже Ойче з чыстым сэръэм кохам Тчебе*). Но *тиш* может передавать, наряду с диграфом *тч* (ср. *Тчебе*), также звук *ś* (т. е. соответствовать польским знакам *śi* и *ś*: *мэ житише складам Тобе*). Хотя чаще всего *ś* передается кириллическим *ч* (как и *sz*): *зложыч Найсьвентишо Офяре; брача и сёстры; Хвала на высокосьчи Богу; допровадзи нас до жычя вечного; Хвалимы Че, Вельбимы Че. Выславямы Че*. Носовые *ę* и *a* передаются сочетаниями *е* и *о* с *н* в середине слова (перед согласным), сочетанием *о* с *м* на конце слова (*a*) и буквой *е* на конце слова для *ę*. Примеры: *Богу нех бендом дзенки; благам Найсьвентишом; Буг вшехмогонцы; Мудльмы се; Хвалимы Че; Нех Пан пшыме офяре з ронк твоих*.

Кириллические надписи на русском языке преобладают на надгробиях поляков на местном кладбище. Так, из 146 захоронений всего на 17 надписи сделаны на польском языке латиницей. При этом обычный вариант — русская трехкомпонентная модель антропонима: имя, отчество, фамилия. Отчество, как правило, русифицировано. Ср.: *Куцек Антон Степанович, Масленг Адам Иванович, Масленг Франтишка Андреевна, Мычко Магдалина Осиповна*. Встречаются также отчества с сохранением польской именной основы (*Якубовна*, а не *Яковлевна*, *Томашевна*, а не *Фоминична*, *Станиславович*). Варианты в латинице чаще всего сохраняют польскую двухкомпонентность антропонимической формулы: имя, фамилия (*Wacława Strokosz*). Только один раз отмечено отчество в польской надписи на старом кресте: *Kania Anelia Janowna*.

Функцию русифицированного отчества в польских надписях изредка выполняют сочетания слов *córka* «дочь» и *syn* «сын» с именем отца: *Anela Pietrzyk (Curka (с u вместо ó) Walen-go, т. е. Walentego); Jan Pietrzyk, Syn Tomasza*. При этом на надгробиях, относящихся к одной и той же семье, могут быть и русские трехкомпонентные структуры, и польские биномы. Ср. *Митренга Виктория Владимировна, Митренга Артем Александрович, Митренга Станислав Станиславович* и *Mitrega Władyzław (с z вместо s)*.

В некоторых надгробных антропонимах отражены фонетические особенности вершинского диалекта, например мазурение: *Racek Leonora* ~ ср. надпись на русском языке: *Рачек Павел Иванович*.

Говор переселенцев из малопольско-силезского региона сохраняет яркие особенности материнского диалекта.

Перечислим некоторые из этих черт, характерных для южной и юго-западной части польского диалектного континуума.

1. *o* на месте континуанта **ā* (при этом возможны разнообразные аналогические обобщения);

Примеры: *dovńij* ‘dawniej’, *dl’o nos* ‘dla nas’, *ob’ot* ‘obiad’, *śńodańe* ‘śniadanie’, *jo* ‘ja’, *kšok* ‘krzak’, *za pore l’ot* ‘za parę lat’, *žel’oska* ‘żelazko’, *p’ecork’i* ‘pieczarki’, *roz* ‘raz’, *zapouka* ‘zapałka’, *ćostko* ‘ciastko’, *pokozać* ‘pokazać’, *s kv’joteckuf* ‘z kwiateczków’, *burokam’i* ‘burakami’, *burok* ‘burak’, *b’jouy* ‘biały’, *l’ecyl’i trovam’i* ‘trawami’, *pol’i s’e* ‘pali się’, *kozok’i* ‘kozaki’ (сорт грибов), *poXńe* ‘pachnie’, *zaro* ‘zaraz’, *pokoże* ‘pokaże’ и т. д. Это фонетическое явление имеет морфологические и словообразовательные последствия, обуславливая высокую частотность *o*-содержащих флексий и аффиксов.

Ср. 1 л. ед. ч. наст. вр.: *čšyтом to* ‘trzymam to’, *zb’irom* ‘zbieram’, *rušom* ‘ruszam’, *vyb’irom* ‘wybieram’;

3 л. ед. ч. наст. вр.: *byvo* ‘bywa’;

1 л. мн. ч. наст. вр.: *my s’e fsp’inomy* ‘wspinamy się’;

2 л. мн. ч. наст. вр.: *vy zažynoće* ‘zarzynacie’, *m’eškoće* ‘mieszkanie’;

2 л. мн. ч. императива: *pocekojč’e* ‘poczekajcie’;

прош. вр.: 1 л. ед. ч. — 3 л. ед. ч. м. р. *Jo x’coy* ‘ja chciał, литер. chciałem’, *cytoy* ‘czytał’, *znoy* ‘znał’;

1 л. ед. ч. — 3 л. ед. ч. ж. р. *byyo* ‘była’;

Им. ед. ч. ж. р. прилагат. *tako b’ida* ‘taka bieda’, *z’iko fša* ‘dzika wesz’ (название растения);

субстантивные аффиксы: *gospodože* ‘gospodarze’; *krupńok* ‘krupniak’, *pńok* ‘pniak’, *Sojino* (женская фамилия с суффиксом *-ino*, образуемая от фамилии мужа — *Soja*).

2. *u* на месте континуанта *ō* (а также вследствие различных аналогических процессов) и на месте *o* перед носовыми согласными.

Примеры: *un* ‘on’, *uny* ‘oni; one’, *pumoge* ‘pomogę’, *pumožeš* ‘pomogesz’, *pumoc* ‘pomoc’, *kurunki* ‘koronki’, *nie fspumne* ‘nie wspomnę’, *na tamtej struńe* ‘na tamtej stronie’, *fkuncu* ‘w końcu’, *dum* ‘dom’, *v mojim dumu* ‘w moim domu’, *do dumu* ‘do domu’, *makarun* ‘makaron’, *maćežunka* ‘macierzanka’, *z’el’unu* ‘zielony’, *brou kuńi* ‘brał koni’ и мн. др. «Уканье» имеет также существенные последствия для

морфологической и словообразовательной диалектных подсистем. Например, функционирование глагольного суффикса *-uwać*: *zrychtu-vać* ‘zrychtować’, *rozvačkuvac* ‘rozwałkować’. Следствием сужения *o* (из *ā*) перед носовым консонантом являются местоименные формы типа *vum* ‘wam’ и глагольные формы типа *tum* ‘tam’, *tumu* ‘tamy’, *otprov’adum* ‘odpowiadam’. Формы с *-um* в 1 л. ед. ч. презенса глаголов на *-ać* являются даже более частотными, чем формы на *-om*. Ср. Д. мн. сущ. *-um*: *z’ećum* ‘dzieciom’. Возможно, что спорадические флексии Род. ед. *-u* в существительных ср. р. типа *do prańu*, *od davl’eńu* (русизм) также являются следствием изменения *o* ($\leq \bar{a}$) в *u* (в случае *od davl’eńu* действует функционирующий в говоре структурный образец-модель).

3. *i/u* на месте *ē* (также вследствие различных аналогий) и как «суженный» континуант *e* перед носовыми консонантами.

Примеры: *kob’itka* ‘kobietka’, *zb’irom* ‘zbieram’, *zb’ira* ‘zbiera’, *v’im* ‘wiem’, *odyjm’e* ‘odejście’, *tyń* ‘ten’, *tyś* ‘też’, *šyrša* ‘szersza’, *gžeb’iń* ‘grzebień’, *v’irx* ‘wierzch’, *jicc’e* ‘jedźcie’, *s’v’iže* ‘świeże’, *dop’iro p’ic* ‘dopiero piec’, *p’iršy* ‘pierwszy’. Возможно, что следствием сужения *e* перед носовым согласным являются флексии *-уму* / *-иму* в 1 л. мн. ч. презенса глаголов, соответствующих общепольским глаголам I спряжения: *pšecesuJimmy s’e* ‘przeczესujemy się’, *žyJimmy* ‘żyjemy’, *n’esymy* ‘niesiemy’, *idymy* ‘idziemy’, *b’erymy* ‘bierzemy’, *mogymy* (наряду с *mogemy*) и т. п. Об отсутствии чередований в указанных глаголах (кроме первых двух) см. ниже.

С другой стороны, формы типа *sazemy* ‘sadzimy’, *płacemy* ‘płacimy’, *nawrezemy* ‘nawredzimy’ (русизм — *навредить*) свидетельствуют, казалось бы, и о противоположном процессе (расширении *i* перед носовым согласным). Однако поскольку такое «расширение» фиксируется только в формах, возникших по аналогии с 1 л. ед. ч. (*saze* ‘sadzę’ → *sazemy*, *nawreze* ‘nawredzę’ → *nawrezemy*) и функционирующих наряду с формами на *-уму* (*šezumu*, *hozumu*, *płacumu*), полагаем, что причины, вызвавшие появление такого рода форм, не фонетического, а морфологического характера. Об отсутствии чередований в подобных глаголах подробнее см. ниже.

4. Континуанты носовых гласных, подобно континуантам *ō* и *ē*, представлены «суженными» вариантами: **ǣ* (общепольск. *ę*) как *y_sS*, *’iS*, *yNT*, *’iNT* (’ перед *i* — показатель мягкости предыдущего согласного, S — символ фрикативного, T — смычного и аффрикаты, N — носового согласного любого места образования); **ā* (общепольск. *ą*, письм. *ą*): *цS*, *uNT*.

Примеры: *gy_ssty* ‘gęsty’, з *ińk* ‘i’ ‘dzięki’, *ryńka* ‘ręka’, *do gymby* ‘do gęby’, *p’ińinzy* ‘pieniędzy’, *źińc*;

gyska ‘gaska’ (гусеница), *zajuncy* ‘zające’, *żnuńc* ‘ząć’, *rumbal’i* ‘rąbali’, *vz”uńśc* ‘wziąć’, *gurunce* ‘gorące’, *fspotnuńc* ‘wspomnąć, литер. wspomnieć’.

Если континуант *ǣ на конце слова деназализован, то носовой заднего ряда обычно представлен бифонемным сочетанием *-um* (реже *-un*). Ср. *sum* ‘sa’, *jum* ‘ja’.

Финальное *-um* часто приобретает статус морфологического показателя. Ср. Твор. ед. сущ. ж. р.: *škl’ankum* ‘szklanka’, *vudum* ‘woda’, *kuxarkum* ‘kucharka’; В — Твор. п. ед. ч. ж. р. прилаг.: *kapuste kvas”num* ‘kapustę kwaśną’;

3 л. мн. ч. презенса: *rumb’um* ‘rąbią’, *uny s”e poskrab’um* ‘oni się poskrabiają’, *obz’irajum* ‘obdzierają’, *jezum* ‘jedzą’ и мн. др.

5. Наличие альвеолярного (среднеевропейского) *l* в сочетании с *y*: *klyš* ‘kleszcz’, *mlyko* ‘mleko’, *xlyp* (// *xl’ip*) ‘chleb’, *lyń* ‘leń’, *oblykać* ‘oblekać’, *podlyf(ka)* ‘podlewka’, *Kalyta* ‘Kaleta’, *kolynda* ‘kolęda’ (уп как континуант носового переднего ряда).

6. Мазурение, последовательно представленное для глухой аффрикаты ($c \leq \check{c}$) и ограниченное несколькими словами (т. е. превратившееся в лексико-фонетическое явление) для фрикативных: *zur* ‘żur’, *zarny* ‘żarna’, во всех формах глагола *zryć* ‘żreć’ (*zre* ‘żre’, *zrum* ‘żrą’, *zesarua* ‘żzařła’ и т. д.), в антропониме *Kustos* ‘Kustosz’ (родственники носителей этой фамилии, проживающие в Польше, носят фамилию *Kustosz*).

Примеры «цеканья»: *mocal’i* ‘maczali’, *xrobocek* ‘robaczek’, *vnuck’i* *i pravnuck’i* ‘wnuczki i prawnuczki’, *bapk’i l’ecyl’i* ‘babki leczyli’, *n’e skuncyl’i* ‘nie skończyli’, *na bycej skuže* ‘na byczej skórze’, *wrotyc* ‘wrotycz’ («пижма»), *smacne* ‘smaczne’, *cy* ‘czy’, *copka* ‘czapka’, *kacka* ‘kaczka’, *ucy* ‘uczy’ и т. д.

7. Выпадение согласных и упрощение групп согласных. Ср. *pšouuf* ‘pszczołów, литер. pszczół’, *klyš* ‘kleszcz’, *dešk’i* ‘deszczki’, *tero / tera* ‘teraz’, *xyćić* ‘chwycić’, *zaro* ‘zaraz’. Особенно характерна для говора утрата *u* неслогового в позиции после согласного перед вокалом (обычно *o* и *u*): *xop* ‘chłop’ («муж»), *dugock’i* ‘długocki’, *guk* ‘głóg’, *guv’inka*, ‘głowinka’. Ср. также перед согласным после гласного: *putora mуna* ‘półtora młyna’, *pul’itra* ‘półlitra’.

8. Звонкий тип межсловной фонетики (сандхи) и звонкость *v* после глухих согласных: *s’v’inta* ‘święta’, *s”v’at* ‘świat’, *cvurk’i* ‘czwórki’, *f cvortej klas’e* ‘w czwartej klasie’, *tyž_ una ukońcyua*, *p’ińz”l’ot* ‘pięć

lat', *ńiz_ńi ma* 'nic nie ma', глагольные формы типа *pšyv'uzem* 'przywiozłem', *jo jezdem* 'ja jestem', *pšyšedem* 'przyszedłem'.

9. Наличие вокалической ступени в префиксах *w(e)*, *z(e)* перед словом с начальным консонантом, совпадающим с согласным префикса, после которого следует гласный. Консонанты префикса и начала слова могут при этом различаться по звонкости-глухости. Примеры: *ze synem* 'z synem', *ve voz'e* 'w wodzie', *antrament ze sazy* 'atrament z sadzy'. Ср. чешск. *ve vodě* и под.

10. Отсутствие результатов перегласовки *e > o* в ряде лексем и в презенсных формах глаголов типа *brać*, *nieść*, *wieźć*, *wieść*.

Примеры: *m'etua* 'miotła', *pom'etuo* 'pomiotło'; *ńese* (1 л. ед. ч.) — *n'esum* (3 л. мн. ч.), *b'ere* (1 л. ед. ч.) — *b'erum*, *p'ere* (1 л. ед. ч.) — *p'erum* и т. д. Ср. также формы ж.р. прош. вр.: *pšyn'esua* 'przyniosła', *pšyvezua* 'przywiozła'.

11. Отсутствие консонантных чередований в презенсной парадигме глаголов типа *brać*, *prac*, наличие оппозиции 1 ед., 1 мн., 3 мн. остальным формам в презенсной парадигме ряда других глаголов. Примеры: *b'ere*, *b'ereš*, *b'ere*, *b'erumy*, *b'ereće*, *b'erum*; *p'ere*, *p'ereš*, *p'ere*, *p'erumy*, *p'ereće*, *p'erum*; 1 ед. *bydy*, 1 мн. *bydumy* (реже *byz'imy*), 3 мн. *bydum* ~ 2 ед. *byz'eš*, 3 ед. *byz'e*, 2 мн. *byz'eće*; 1 ед. *moge*, 1 мн. *mogumy* (// *mogemy*), 3 мн. *mogum*; 1 ед. *ide*, 1 мн. *idumy*, 3 мн. *idum*; 1 ед. *n'ese*, 1 мн. *n'esumy*, 3 мн. *n'esum*; 1 ед. *place*, 1 мн. *placemy* (// *placumy*), 3 мн. *placum*; 1 ед. *saze*, 1 мн. *sazemy*, 3 мн. *sazum* и т. п.

В глаголах типа *umrzeć*, *trzeć* иной характер обобщения согласного исхода основы: во всех формах презенса представлен не вибрант, а шипящий: *čše*, *čšeš*, *čše*, *čšumy*, *čšeće*, *čšum*.

В *umrzeć* встречается *r* в 1 л. ед. ч. (*umre*, но *umžum*). Об аналогичных формах в говорах Силезии см. [Nitsch 1909: 33—34, 239; Gołąb 1955: 23, 135—136].

12. Полидиалектные (в том числе и южнопольские) претеритальные формы с *n* в глаголах на *-uńć* (литер. письм. *ąć*) — *vzuńść*: *vz''un* // *vz''on* (м.р.), *vz''ina* (ж. р.). Но в глаголах на *-nuńć* (литер. письм. *-nąć*) таких форм не зафиксировано. Ср. для *ćerpuńć* «бросить» — *ćerpel'i*, *c'erpuu*; *žnuńć* — *žnyl'i*; *furgnuńć*: *furgnuu* и т. п.

13. Некоторые суффиксы: архаический глагольный итеративный формант *-uva* ($\leq ova$) в ряде глаголов, который в литературном стандарте был вытеснен более новым мазовецким *-iwa* / *-uwa* (ср. верш. *zap'isuvać* 'zapisywać'); субстантивный показатель невзрослости *-untko*, реже *-e* (в отличие от мазовецкого и северопольского *-ak* / *-ok*): *kurcuntko*, *kacuntko*, *gęs''untko* и *žryb'e*.